

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 321.727

Д.М. СОФЬИН, к.ист.н., ассистент кафедры новейшей истории России и кафедры общей отечественной истории
ГОУ ВПО «Пермский государственный университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: sofjindm@yandex.ru

КОНСЕРВАТИВНО-МОНАРХИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Российские консерваторы-теоретики, жившие в конце XIX – начале XX в., уделяли значительное внимание разработке своего идеала императорской власти. Исходя из анализа теоретического наследия консерваторов можно выделить девять основных структурных

компонентов в составе их представлений об императорской власти в России, а именно: взгляды на 1) *происхождение царской (императорской) власти в России*; 2) *взаимоотношения царской власти и церкви*; 3) *власть как служение*; 4) *пределы царской власти и ее обязанности*; 5) *взаимоотношения царя с народом, значение бюрократии и возможность сосуществования самодержавия с представительными органами*; 6) *этноконфессиональную природу и направленность царской власти*; 7) *исторические заслуги самодержавия и его роль в укреплении авторитета России*; 8) *сравнение русского самодержавия с другими монархическими формами правления*; 9) *роль династии и династического принципа*. Данное разделение имеет достаточно условный характер, так как выделенные здесь структурные элементы тесно связаны друг с другом и нередко одни естественным путем вытекают из других.

Идея божественного происхождения царской власти следует признать общей для российских консерваторов [21, с. 121-122, 125, 133, 196; 20, с. 67; 1, с. 27], хотя взгляды на историческую генеалогию власти могли быть различными. М.Н. Катков, редактор-издатель ведущей консервативной газеты «Московские ведомости», называл российского монарха в первую очередь преемником византийского императора [2, с. 64; 29, с. 225; 9, с. 227].

В статье анализируются теоретическое наследие русских консерваторов, их представления о природе и сущности императорской власти в России.

Ключевые слова: консерватизм; церковь; монархизм; самодержавие; император; бюрократия

Также выдающийся отечественный философ К.Н. Леонтьев считал, что «царизм наш» окреп именно «под влиянием византийских идей, византийской культуры», и называл его «полувизантийским» [12, с. 144]. По мысли известного в свое время теоретика самодержавия, члена Харьковского отдела Русского собрания Н.И. Черняева, в основании власти российских императоров лежат библейские представления о царской власти, а также наследие московских царей [38, с. 57-60]. Публицист А.А. Сапожников возводил генеалогию власти русских царей через византийских императоров к израильским царям, причем изначальный «израильский фактор» для него более значим, чем «промежуточный» византийский [24, с. 58]. Член-учредитель Русского собрания С.Н. Сыромятников полагал, что государственную идею передал России Восток через Византию и Золотую Орду. При этом Византия рассматривалась мыслителем как идейная наследница Персидской монархии, а Золотая Орда как проводник китайской политической философии. Соответственно, российское государство есть наследник «византийской церкви» и «китайской государственной мысли» [37, с. 151]. Таким образом, одни консерваторы в качестве основополагающего фактора становления и осмысления русского самодержавия видели в библейском наследии, другие – в византийской теории и практике, третьи – во влиянии Востока.

Идея преемственности российской монархической власти от византийской кажется естественной ввиду давних религиозных и культурных русско-византийских связей. При этом современный исследователь Б.А. Успенский обращает внимание на то, что в России было отличное от Византии уподобление монарха. Ученый отмечает, что «в Византии, как и на Западе, монарх при помазании уподоблялся царям Израиля; в России же царь уподоблялся самому Христу» [32, с. 28]. Можно предположить, что для византийцев (ромеев, т.е. римлян) юридическая, правовая, сторона имела очень большое значение, поэтому закон Ветхого завета для них ближе, чем благодать Нового завета. Поэтому имело место уподобление византийских (римских) императоров царям Израиля как хранителям Закона. На Руси же сразу вскоре после принятия христианства, еще устами митрополита Иллариона, был провозглашен примат новозаветной благодати над ветхозаветным законом или благодати над законом вообще. Поэтому образ Христа ориентировал монарха на то, чтобы быть прежде всего хранителем и носителем благодати и лишь потом – закона.

Идея царя – помазанника Божьего находилась в 80-е гг. XIX в. в центре обоснования целесообразности и необходимости самодержавия [29, с. 225]. Как было отмечено выше, в вопросе о божественной природе царской власти консерваторы сходились. Император Всероссийский есть помазанник Божий, и только перед Богом царь несет ответственность, а мысли и действия монарха вдохновляются свыше, поэтому основой его политики является божественный промысел [35, с. 167; 29, с. 225, 9, с. 249]. Освящает и просвещает государя, делает его особу священной и неприкосновенной особой обряд – миропомазание. Оно же делает для монарха понятным то, что непонятно простым смертным: как полагал другой член-учредитель Русского собрания правовед А.Н. Штигилиц, благодаря таинству миропомазания «Государь наш видит, слышит, чувствует, понимает то, что недоступно сознанию людей...» [42, с. 226-227].

А.А. Сапожников указывал на то, что власть царю дается от Бога [24, с. 53] и что «Господь дает царям Свое особенное покровительство и поддержку...» [24, с. 53]. С.Н. Сыромятников использовал емкую формулу, возникавшую среди монархистов и в других странах, согласно которой царь несет ответственность «лишь перед Богом и совестью» [28, с. 44].

Также и согласно Н.И. Черняеву, монархи «избираются и поставляются Самим Богом», и царское служение есть служение Богу. Но Н.И. Черняева, помимо того, интересовал вопрос, какое именно место занимает государь по отношению к Богу, в какой степени и на каком уровне монарх является средоточием божественной субстанции. Не соглашаясь с бытовавшим в России и многих других монархических государствах мнением, что государь является заместителем Бога на земле, Н.И. Черняев видел статус монарха по отношению к Богу значительно более скромным, определяя государя как «Божьего пристава», ссылаясь при этом на народные представления. По этому поводу Н.И. Черняев в одном месте отмечал: «Людовик XIV, конечно, ошибался, считая монархов заместителями Бога на земле. Царь – Божий пристав, говорит русская народная пословица» [38, с. 18, 19, 247-248, 263].

Важная роль в сакрализации царской власти отводилась церкви. К.Н. Леонтьев указывал, что «народ уважает только ту власть, которая опирается на религиозные догматы» [20, с. 76]. Князь В.П. Мещерский, издатель влиятельного консервативного органа «Гражданин», указывал на необходимость тесной связи государства и церкви [14, с. 394-403]. По мысли М.Н. Каткова, император должен подчиняться религиозной идее, монархическая верховная власть может держаться только на основе религии, а русский царь, как преемник византийских императоров, основателей церкви и ее союзов, является стражем и радетелем Апостольской церкви [2, с. 64-65, 67, 117]. Воспитатель царских детей, крупный государственный и церковный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, говоря о заслугах монархии в деле укрепления России, подчеркивал нерасторжимую связь самодержавия с церковью: «Единодержавие, возросшее у нас вместе с церковью и в неразрывном единении с нею, оно вместе с церковью укрепило, собрало и спасло государственную целостность русской земли и создало государство Российское» [17, с. 138; 43, р. 311]. Обер-прокурор полагал, что в России церковь и государство – две стороны одного и того же учреждения, а борьба против одной из них неизбежно является борьбой против обеих [44, р. 34]. С одной стороны, он считал православную церковь самой надежной опорой самодержавия [5, с. 276], а с другой стороны, в свою очередь, называл российского императора «Верховным на земле Защитником церкви православной» [17, с. 138].

Точка зрения, согласно которой российский император является не только светским, но и духовным владыкой, отвергалась. Н.И. Черняев указывал, что «нельзя найти в России ни малейших следов цезарепапизма», и отмечал, что российским государям присуще смирение: «Наши Императоры имеют только светскую власть и ни на какую другую власть никогда не посягали» [38; 34, с. 111]. В петровской церковной реформе виделось подчинение церкви императору лишь в сфере внешнего, светского, делового управления, но не духовного.

В свою очередь, светскую власть государя церковь ограничивать не может. Верует ли монарх – это является единственным вопросом церкви к царю, единственным внешним ограничением его воли, подчеркивал С.Н. Сыромятников, но зато воля государя всегда ограничена совестью [28, с. 35-36].

Царская власть есть служение монарха и его самопожертвование, считали консерваторы [21, с. 128; 30, с. 108]. Лидер пореформенных славянофилов И.С. Аксаков отмечал, что для русского царя власть – «повинность и бремя; царский сан – истинно подвиг», монарх приемлет власть «как *бремя*, как служение, как подвиг, Богом ему сужденный», и царская власть есть «тягчайшее, хотя и освященное бремя...» [1, с. 55, 118, 122]. Об этом же писал и М.Н. Катков: «Нет, не радость дается жребий власти, и великая честь, которой она окружена, далеко не искупает для человеческого сердца тяжесть этой повинности, самой тяжкой, какая только может выпасть человеку на земле» [9, с. 234]. Как указывал В.А. Грингмут, самый яркий из преемников М.Н.Каткова на посту редактора «Московских ведомостей» (до Л.А. Тихомирова), монарх, вступая на престол, берет на себя всю тяжесть забот о вверенной ему державе. Ввиду своего особенного сакрального положения, божественного характера происхождения своей власти, только царь знает, по какому пути следует вести Россию, и только он один имеет возможность отличить истинный путь от ложного [4, вып. I, с. 11; вып. II, с. 85; вып. III, с. 52-53]. Соответственно, по мнению консерваторов, монарх несет всю ответственность за положение в стране [13, с. 35]. А.Н. Штигиц, говоря, что царь ответственен только перед Богом, подчеркивал, что «ответственность эта самая страшная, самая тяжелая; она посерьезнее ответственности перед разными политическими проходимцами или же перед глупою народною толпою» [42, с. 228]. По мнению князя В.П. Мещерского, самодержец, «приняв от Бога безграничную власть, всю ее отдает служению государству», и «субъективно царь не властвует (т.е. не воспринимает власть как единоличное распоряжение безраздельными правами), а безгранично исполняет свой долг...» [8, с. 133]. «Великим несказанным бременем» называл власть К.П. Победоносцев [30, с. 108]. Краеугольной плитой христианского самодержавия председатель Совета Харьковского отдела Русского собрания, историк-медиевист А.С. Вязигин, впоследствии председатель фракции правых в III Государственной Думе, считал власть, понятую как бремя, а не как привилегию [3, с. 118]. Таково же, по мнению позднего славянофила Д.А. Хомякова, и народное представление о самодержавной власти как о тяжелейшем труде [36, с. 141]. В целом, всеми консерваторами разделялась мысль о власти не как о привилегии, а как об обязанности, а монарх назывался самым несвободным человеком в государстве [21, с. 152; 6, с. 82].

«Строжайшее следование долгу» – главный царский принцип, полагал один из ведущих консервативных теоретиков Л.А. Тихомиров. Величайшим злом неограниченной власти является ее переход в произвол. Чтобы этого избежать, царь «в правлении не должен иметь личных побуждений». Он только «исполнитель Высшей Воли» и лишь «орудие справедливости». Царь «обязан творить не свою волю, а Ту, Которая поставила его на царство». Государь «существует не для того, чтобы делать, как ему нравится... а для того, чтобы всех вести к исполнению долга. Поэтому он и сам обязан быть носителем долга» [34, с. 404-405].

Таким образом, российский император не обладает безграничной властью во всех смыслах: «...наши Государи никогда не признавали себя вправе делать все, что угодно, и не только не оправдывали произвола, а гнушались им». Консерваторы уделяли серьезное внимание вопросам пределов царской власти и обязанностей монарха. Самодержцы ограничены теми идеалами, которым они должны следовать и которые призваны воплощать в жизнь. К этим идеалам относится исповедание православия, защита церкви, любовь к народу, попечение о его благе, социальная справедливость, поддержание порядка, распространение образованности, поддержание «всякого доброго начинания». В целом идеалы русского самодержавия Н.И. Черняев определял как стремление к созданию истинно христианской монархии и утверждению христианских начал в жизни государственной, общественной и семейной «в духе Вселенской Правды, мира и любви» [38, с. 26, 285].

Русский государь, полагали консерваторы, имеет много обязанностей. И.С. Аксаков писал, что он всегда нравственно ответствен «перед совестью, пред народом, пред судом истории...» [1, с. 154]. В.А. Грингмут указывал, что статус царя как помазанника Божьего накладывает на него обязанность быть достойным «сего Божественного Дара». Монарх должен быть «Благочестивейшим», превосходя благочестием всех своих православных подданных и служа для них примером. Лишь благочестием государя ограничивается его самодержавная власть. Сам царь не может ограничить пределы своей власти, он должен обладать всей ее полнотой, так как только в этом случае он может нести всю полноту ответственности перед Богом. Исходя из такого понимания обязанностей монарха, В.А. Грингмут и определял царское правление как тяжкий подвиг [4, вып. I, с. 89, 91, 193; вып. II, с. 302], а М.Н. Катков утверждал, что «нет службы более тяжелой, чем верховная власть над народами» [9, с. 231]. Он неоднократно подчеркивал, что и сам монарх не вправе умалить своих самодержавных прав [29, с. 227]. Об этом же говорил И. С. Аксаков, утверждавший, что «полновластный Царь не властен лишь в одном: в отречении от своего полновластия...» [1, с. 183]. Л.А. Тихомиров пояснял это положение: «Монарх, по смыслу своей идеи, даже и при воле на то народа, не может ограничить своей власти, не совершая тем вместе с народом беззаконного (с Монархической точки зрения) *coup d'Etat*. Ограничить самодержавие – это значит упразднить Верховную Власть нравственно-религиозного идеала, или, выражаясь языком веры, упразднить Верховную Власть Божию в устройении общества». Монарх «в отношении идеала есть только хранитель, *depositaire* власти, доверенное лицо». В отношении данного идеала он «имеет не права, а обязанности». Если по каким-то причинам государь не в состоянии более исполнять эти обязанности, то «все, что можно допустить по смыслу принципа, есть отречение от престола». Поэтому монарх не имеет права учреждать конституцию и представительный образ правления, так как «упразднить собственную обязанность, пользуясь для этого орудиями, данными только для ее выполнения, это, конечно, составило бы акт величайшего превышения права, какое только существует на земле» [31, с. 407].

На вопросе об обязанностях монарха подробно останавливался А.А. Сапожников. Опираясь на Библию, он указывал, что царь должен быть благочестивым, самодержавным, должен устанавливать законность и правосудие, защищать

обиженных, слушать советы «умных и знающих людей», в частной жизни «быть образцом для всех граждан», «оберегать и поддерживать народную свободу» [24, с. 52-60].

Рассматривали консерваторы и вопрос об отношениях императора с народом, а также с отдельными социальными группами. М.Н. Катков, как и многие другие консерваторы, писал о взаимном доверии между верховной (императорской) властью и народом [2, с. 75; 9, с. 250-251]. Об «органической» и «таинственной» связи царя и народа писал И.С. Аксаков [1, с. 19]. По его мнению, «в России пребывают только две реальные государственные силы, только два всемогущие фактора: Царь и народ». В царе олицетворяется весь народ, в монархе «олицетворяет себе народ единство России и ее историческую судьбу», «Царь и народ – едино и единого духа...» [1, с. 22, 27, 75-76, 127]. Князь В.П. Мещерский указывал, что «Государь мистически связан с народом, и его воля есть истинная воля народа» [35, с. 167]. А.А. Сапожников указывал, что «между царем и народом существует таинственная, непонятная для человеческого ума, но тем не менее действительная связь», и называл царя «главным носителем и поборником народных идеалов» [24, с. 50, 55]. «В лице Государя *всегда вся Россия*», – утверждал поздний славянофил и общественный деятель С.Ф. Шарапов [40, с. 4]. Схожие мысли неоднократно высказывал и В.А. Грингмут: русский царь и русский народ находятся в мистическом единении, они составляют «одно неделимое целое». Русский народ «весь воплощается в священной особе Русского Царя», который всегда находится во главе народа «во всех делах и сердца, и ума». Народ смотрит на царя и царицу как на своих духовных родителей, называя их «Царем-Батюшкой и Царицей-Матушкой». Только царь может действительно искренно заботиться о благе всего народа, так как лишь монарх стоит выше всех партий [4, вып. I, с. 72, 193; вып. II, с. 183, 272; вып. III, с. 52-53]. Полтавский раввин Э.М.Б. Рабинович, в значительной степени разделявший органицистские представления, место монарха в народном организме уподоблял месту головы в телесном организме [19, с. 7].

Опорой монарха и его власти многие консерваторы рубежа XIX и XX вв., солидаризируясь с Н.М. Карамзиным и графом С.С. Уваровым, традиционно считали дворянство, которое, по мнению М.Н. Каткова, должно быть «живым звеном между царем и народом» [29, с. 228-229, 235]. Князь В.П. Мещерский видел, что между судьбой дворянства и судьбой самодержавия прямую связь. Он полагал, что «с поднятием дворянства сильнее станет самодержавие и дальше уйдет замысел конституции...». Полностью согласен с ним в этом вопросе был и М.Н. Катков: «Сдаст свои позиции дворянство – поколеблется и самодержавие. Судьбы их связаны нерасторжимо» [25, с. 171-172, 177]. При этом М.Н. Катков, как и К.П. Победоносцев, выступал за государственную поддержку всех сословий [9, с. 247], а князь В.П. Мещерский считал, что дворянство и особенно помещиков необходимо в интересах государства усиливать, в том числе и за счет других сословий [26, с. 40].

Другие консерваторы, в частности славянофилы, придерживались иного мнения. Так, И.С. Аксаков писал: «Русский царь не “первый аристократ из аристократов”, как в Англии; не “первый дворянин”, как называли себя во время оно французские короли (*le premier gentilhomme du pays*), а первый человек Русской

земли, облеченный, на благо земли, верховною государственною властью. С ним не связывается никакого сословного понятия; он представитель всеобщности земской и государственной. Его интересы – интересы всего народа, и чем сильнее его власть, тем более представляет она гарантий народным массам... Царь, по понятиям народным, для того и должен быть полновластен, чтобы не подпасть под власть сильных мира...» [1, с. 90-91, 122, 145-146]. С.Н. Сыромятников также полагал, что «совесть диктует царю законы на благо всего народа, а не отдельных его социальных групп или классов». При этом он же, предвосхищая идею столыпинской аграрной реформы, указывал, что опорой самодержавная власть должна найти не в дворянстве, а в крестьянине-собственнике [37, с. 152, 155].

Немало консерваторов говорили о пагубном влиянии петербургской бюрократии, которая, по их мнению, стала вредным средостением между царем и народом [25, с. 54-55, 266-267]. Славянофилы вообще считали ее «главным врагом» [20, с. 66; 22, с. 460; 18, с. 19; 1, с. 148], но немало консерваторов других направлений также обвиняли бюрократию [37, с. 152], в частности, даже князь В.П. Мещерский, утверждавший, что следствием действий этого «средостения» является искажение истинной воли Бога и народа [35, с. 167]. Находились, однако, консерваторы, которые не были согласны с «переводом стрелок» в сторону чиновников. Так, А.С. Вязигин отмечал: «Жалобы на средостение, на бюрократию сделались у нас уже давно поистине общим местом; чиновничество уже давно служит “козлом отпущения”, и на него сыплются обильным градом всевозможные нарекания и укоризны. <...> [Но] эта стена слагается из живых людей, вышедших из того же общества, в нем живущих, вращающихся, работающих. <...> Если у нас плоха, как говорят, бюрократия, то это значит, что само общество доставляет плохой материал для создания необходимого во всяком государстве механизма» [3, с. 170-171].

Взгляд консерваторов на возможность сосуществования самодержавия с представительными органами был неоднозначным. До 1905 года этот вопрос обсуждался консерваторами, как правило, в виде мысли о Земском соборе, но не в виде соображений о каких-либо других представительных органах. Одни выступали за немедленный созыв Земского собора, другие видели эту меру как венец преобразований, которые еще следует провести, а третьи категорически отвергали саму мысль о созыве. Так, консерваторы-славянофилы в конце XIX – начале XX в. в целом благосклонно относились к идее созыва нового Земского собора. Этого, в частности, требовал И.С. Аксаков [29, с. 204]. Идея созыва особенно активно обсуждалась в 1881–1882 гг. при поддержке министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева [34, с. 132-136; 29, с. 218-221], но и после того, как проект был отвергнут, а сам министр отправлен в отставку, славянофилы вплоть до 1905 г. не оставляли надежд на Земский собор. Этим, они считали, можно преодолеть влияние «бюрократического средостения» и восстановить единение царя с народом. Эту идею активно пропагандировал С.Ф. Шарапов, но, по его мнению, предварительно следовало упорядочить Россию при помощи масштабного, широчайшего развития земского самоуправления. А «Земский Собор возможен лишь как венец *упорядоченной* России, а отнюдь не как собрание, *имеющее ее упорядочить*» [40, с. 24].

Но большинство консерваторов выступало однозначно против «вливания нового вина в старые меха». К.П. Победоносцев полностью отвергал саму идею создания института народного представительства, в том числе и в виде Земского собора [19, с. 23]. М.Н. Катков задавал риторический вопрос: «Зачем между Верховной властью и народом, который не отделяет себя от нее и видит в ней свое истинное и единственное представительство, втирать какое-то еще представительство, создавать партии и предавать их игре интересов государственной пользы и народного блага?» По его мнению, в представительных учреждениях нет никакой надобности, поскольку «Русский Царь имеет несомненное право призывать и созывать, когда окажется надобность, людей разных сословий по тому или другому вопросу» [9, с. 270]. Князь В.П. Мещерский до 1905 г. определенно выступал против Земского собора, указывая не только на политическую нецелесообразность такого учреждения, но и на большие расходы, к которым приведет его созыв: «Я не хочу конституции, ибо она – гибель России; я не хочу собора... Конституция, соборы, все – нелепость, и все стоит сотнями миллионов дороже государству, чем самодержавие; конституция и соборы разорят Россию» [14, с. 33-34]. В 1904 году против идеи созыва Земского собора резко выступал на заседаниях Русского собрания товарищ председателя Б.В. Никольский, впоследствии также член Главного совета Союза русского народа [10, с. 139-140]. Весьма характерное название («Мертвое учреждение») дал своей статье по данному вопросу А.С. Вязигин [3, с. 220-228]. Промежуточную позицию занимал С.Н. Сыромятников. Еще в 1901 году он отмечал, что земские соборы в России «есть и теперь, только созываются для обсуждения отдельных вопросов под именем сведущих людей». Поясняя свою мысль, он добавлял: «Теперь по каждому вопросу необходимо мнение специалистов и лиц заинтересованных. А это и есть частичный земский собор, правда, без его торжественной красоты и внушительности, но зато с более серьезными практическими результатами...» [28, с. 40-41]. Однако в другом месте он же писал: «Для полноты самодержавия необходимо включение земских людей в Государеву думу, дабы они самому Государю, в присутствии его слуг и советников, могли бить челом о своих нуждах» [28, с. 51-52; 10, с. 28].

Конституционная форма правления консерваторами, разумеется, считалась неприемлемой. М. Н. Катков утверждал, что для «самодержавного законодателя» не может быть большинства или меньшинства, так как он должен соглашаться лишь с тем, что признает справедливым [29, с. 261]. Особенно много об этом консерваторы будут писать после государственной реформы 1905–1907 гг.

Непосредственное общение царя с народом – необязательно в виде Земского собора – необходимо, как считали некоторые консерваторы, для укрепления самодержавия. Тот же С.Н. Сыромятников полагал, что «самодержавная власть должна иметь постоянное общение с народом, иначе самодержцами станут посредствующие звенья, и царь будет царствовать, но не управлять» [28, с. 49-50].

Согласно Н.И. Черняеву, интересы монарха отождествляются с интересами народа и страны: «Интересы государя и интересы страны – одно целое». Поскольку царь несет ответственность за свой народ перед Богом, то монарх обязан уклоняться от греховной жизни и из страха перед Богом, и из состра-

дания к «земле», так как пороки царя навлекают гнев Божий на его страну. Об этом же («За грехи царя наказывается весь народ...») говорил и А.А. Сапожников, ссылаясь на ветхозаветные прецеденты [28, с. 50]. Н.И. Черняев отмечал, что царь является представителем и молитвенником за народ, царская молитва может спасти народ от Божьего гнева [39, с. 66]. Народ, в свою очередь, испытывает к царю, который является его единственным подлинным представителем, неограниченное доверие. При этом Н.И. Черняев отмечал, что забота о народе не должна обращаться в низкопоклонство монарха перед ним. Следуя своему пути, царь не должен угождать толпе и искать популярности у кого бы то ни было [39, с. 169-169]. Государь не должен стараться во что бы то ни стало прослыть милостивым и стремиться только купаться в свете благодарности, исходящим от тех, кого он облагодетельствовал. Безусловно обязательным для царя, отмечал Л.А. Тихомиров, является принцип справедливости, которым монарх не имеет права жертвовать «ни по личному неудовольствию, ни по милосердию». «Милосердие, – продолжал Л.А. Тихомиров, – есть праздник Верховной Власти. Работа же ее и обязанность – это исполнение долга, поддержание справедливости и закона. Лишь в тех случаях, где законная справедливость не совпадает со справедливостью Божественной, является место для отступления от закона. Лишь в тех случаях, где это не вредит справедливости, есть место милосердию» [31, с. 405, 406]. М.Н. Катков считал, что монарх не должен быть «на троне человеком» (заочно полемизируя с заветами В.А. Жуковского своему воспитаннику, будущему императору Александру II), а требования человеческой природы государя должны подчиниться государственным обязанностям [29, с. 215]. Противоположной позиции придерживался И.С. Аксаков, полагавший, что царь как раз обязан быть прежде всего «на троне человеком» [1, с. 155-156].

По мнению Н.И. Черняева, народ ставил царя настолько высоко, что, с народной точки зрения (согласно пословицам о Боге и царе), русскому государю принадлежит власть над всей землей и всеми народами, а иноземных и иноверных монархов народ считает как бы вассальными правителями [39, с. 64-65].

Как указывал Н.И. Черняев, государь обладает высокими качествами не только в силу личного характера, но уже по определению, ввиду своей должности. Изначально необыкновенно высокое положение монарха ограждает его от «порока честолюбцев». Император выше каких-либо партийных интересов. Сторонники выборной формы правления полагают, что при наследственной форме власти во главе государства не всегда оказываются наиболее достойные и талантливые люди. Н.И. Черняев же считал, что самому монарху достаточно средних способностей, так как государь имеет все возможности для привлечения к управлению страной «лучших людей» [39, с. 174-175].

Среди консерваторов было распространено сопоставление царской власти с властью отеческой [37, с. 151]. Так, с началом русско-японской войны 1904-1905 гг., уходящих на фронт Николай II благословлял, А.С. Вязигин по этому поводу писал, сопоставляя монарха с отцом, а Россию с матерью: «...как отец благословляет сына, идущего в опасный поход, так Государь благословил своих детей, посылаемых на смертный бой за Родину, нашу общую мать». Н.И. Черняев называл царя одновременно отцом и сыном России.

Генерал Е.В. Богданович однажды назвал царя «Верховным Вождем русских сил». Н.И. Черняев по этому поводу заметил: «...какое меткое выражение! Да, Император и Самодержец Всероссийский есть не только Верховный Вождь сухопутных и морских сил России, не только ее Верховный Хозяин, Законодатель, Правитель и Судья, но и Верховный Вождь всех ее производительных сил, как материальных, так и духовных, как умственных, так и нравственных...»

Н.И. Черняеву также импонировало определение министром внутренних дел князем П.Д. Святополк-Мирским императора как «источника справедливости»: «Русские люди всегда видели в своих Государях не только источник власти, но и источник справедливости, гармоническое сочетание силы и правды и вместе с тем его олицетворение». Н.И. Черняев отмечал, что царь является поборником правды. Среди прочего, это означало, что монарх должен пресекать произвол местных властей: «Единственным коррективом произвола областных правителей в больших государствах служит неограниченная власть монархов».

Серьезные расхождения в вопросе относительно императорской власти были у консерваторов в этноконфессиональном вопросе. Так, для В.А. Грингмута только русский и православный мог быть полноправным подданным русского царя. Схожей позиции придерживался и И.С. Аксаков [16, с. 175]. М.Н. Катков же наоборот видел в императоре олицетворение единства различных народностей России [2, с. 78]. Также и Н.И. Черняев, говоря о российском императоре как о монархе русском и православном, тем не менее подчеркивал: что «оставаясь на страже единства Империи, которая должна быть нераздельным, твердо сплоченным целым, Самодержавие благоволит одинаково ко всем верным подданным. Они все равно дороги Самодержцу Всероссийскому». В основе отношения императора к подданным лежит не их этноконфессиональная принадлежность, а степень лояльности: «“Верные подданные” Престола и граждане общерусского Отечества ценятся Верховной властью не по племенному происхождению, а по преданности Монархам и России». В отличие от значительной части русских консерваторов Н.И. Черняев был полностью лишен национальной или религиозной предубежденности. Именно он в заметке «О монархизме русских евреев-талмудистов», полемизируя с довольно распространенными в среде консерваторов антисемитскими взглядами, обратил внимание общественности на консервативно-монархическую пропаганду, которую вели иудейские священнослужители в интересах российской императорской власти. Схожая с Н.И. Черняевым позиция в этноконфессиональном вопросе была и у А.С. Вязигина: «В “великой семье русского народа” все племена являются братьями, и любвеобильное сердце Самодержца обнаруживает о всех одинаковое попечение...» А.С. Вязигин был противником идеи «коллективной ответственности»: «Во всяком случае, [конкретные] виновные должны нести заслуженные кары, а целые народы не могут подлежать ответу за вину отдельных лиц...» [3, с. 142, 143].

Консерваторы неоднократно обращали внимание на исторические заслуги самодержавия и его роль в укреплении величия и авторитета России. К.Н. Леонтьев называл «царизм наш» «плодотворным и спасительным». С монархической формой правления он связывал расцвет российской государственности [20, с. 70]. По его мнению, только жесткая самодержавная власть могла сохранить многообразие, которое для философа являлось сутью цивилизации, тогда как современная жизнь имела тенденцию к однородности [16, с. 187]. Луч-

шей формой правления для России и единственно для нее возможной считал самодержавие К.П. Победоносцев [43, с. 312]. А.А. Сапожников отмечал, что «именно самодержавие дало России возможность справиться со всеми могущественными врагами и создало ее величие и могущество» [24, с. 56]. А.С. Вязигин указывал, что «Самодержавие было для нас цементом, связующим разноплеменные и иноверные части Русского государства с его основным ядром».

«С развитием и утверждением монархического начала отечество наше заняло великое положение в мире», – утверждал М.Н. Катков [9, с. 283]. По его убеждению, самодержавный строй также является единственно возможной формой правления в России и высшей формой государственности, поскольку исторический прогресс есть собирание властей. Самодержавие это самый ценный итог русской истории, ее непреложный факт и «реальная реальность», основное условие существования русского народа, неизбежное и в самом далеком будущем [29, с. 3-4, 201-202, 222, 227; 16, с. 164]. «С самодержавной властью русского Государя неразрывно соединено самое существование России», – писал он в одной из статей [9, с. 255]. Князь В.П. Мещерский указывал, что Россию «спасти может только крепкое духом и телом самодержавие» [14, с. 34].

Лишь самодержавная форма правления, по мнению Н.И. Черняева, в состоянии обеспечивать авторитет России на Востоке. Народы Востока, как входящие в состав Российской Империи, так и находящиеся за ее пределами, потеряют уважение к российской власти, если монарх станет ограниченным [39, с. 44, 47]. Если славянофил И.С. Аксаков писал о том, что «идея государства, идея единой верховной власти ни одним народом мира не усвоена себе так сознательно, как нашим», то консерваторы-«восточники» не были согласны с подобной идеей российской исключительности. Князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) в его путешествии по странам Азии и Африки, будущий редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», указывал, что Восток ментально очень близок России, как и Россия Востоку (в отличие от Запада). На Востоке, как и в России, «верховный правитель есть именно и только Помазанник Божий. Индусы видят в нем воплощение Шивы или Кришны-Вишну, китайцы – отражение Неба, здешние туземцы [в Японии] потомка “богини солнца”, монголы и тибетцы – творческий луч от существа Будд и т.д. В идее все сходятся: престол и скипетр по воле неисповедимых судеб могут становиться уделом и неотъемлемым атрибутом лишь избранных исключительных натур, которые сразу – с детских лет – вступают в область чисто материальной действительности и сложных отношений к человечеству вообще, сохраняя тайные прочные нити непрерывного соприкосновения со сверхчувственно природою вещей» [33, с. 10; 27, с. 90-91]. Солидаризируясь с Н.И. Черняевым, князь Э.Э. Ухтомский также подчеркивал, что без самодержавия Азия не могла бы полюбить Россию и безболезненно отождествиться с нею и что без самодержавия Европе легко удалось бы осилить и расчленив Россию [33, с. 33].

Вслед за князем Э.Э. Ухтомским, С.Н. Сыромятников также отмечал близость России к Востоку [37, с. 150-151]. Рассматривая в одном ряду турок, арабов, индусов, китайцев и русских, он указывал: «У каждого из них есть представление о верховном отце – царе, через которого Божество выражает свою волю народу. В царе как таковом стираются его человеческие слабости, его личные вкусы и стремления. Об нем молятся, не ему, а об нем. Он не идол, но

драгоценнейшее существо для народа, не только *defensor fidei* [защитник веры], но и *defensor populi* [защитник народа]» [28, с. 42].

Консерваторы дискутировали по вопросу о сравнимости российского самодержавия с другими монархическими формами правления. Так, для одних (например, для В.А. Грингмута) самодержавная власть русского царя – это уникальный исторический феномен, который невозможно сопоставить с иными формами монархического правления Запада или Востока. А для других, в частности для К.Н. Леонтьева, российское самодержавие находится в контексте других монархий мира. Н.И. Черняев задавал риторический вопрос: «Но возможно ли, чтобы одно единовластие не имело ничего общего с другими единовластиями?» И далее замечал, что одной из главных задач отечественной политической мысли, по его мнению, является сравнительное изучение русских монархических начал с западными и восточными «нашего времени и былых времен»*.

Ряд зарубежных и отечественных историков рассматривают понятия «самодержавие» и «абсолютизм» либо как синонимы, либо первое как частный случай последнего** [7, с. 285, 322; 29, с. 5, 15, 202, 207, 210, 266, 268]. Но для почти всех российских консерваторов это были неодинаковые понятия, порой принципиально разные («самодержавие православного царя не есть абсолютизм», – писал А.А. Сапожников [24, с. 57]) и даже диаметрально противоположные [20, с. 74; 21, с. 139-140; 18, с. 19; 31, с. 84-90; 36, с. 110-122]. Особенно категоричны были в этом вопросе славянофилы. Так, они обвиняли Петра Великого в том, что суть его реформ заключалась в замене самодержавия абсолютизмом***.

К.Н. Леонтьев был едва ли не единственным российским консерватором, который не отождествлял абсолютизм и самодержавие и даже говорил о «самодержавии» в Испании, Франции и германских государствах. Он, также в отличие от многих консерваторов, восхищался Петром Великим [16, с. 185].

Царствующему Дому консерваторами отводилась важная роль. Л.А. Тихомиров указывал: «династичность и правильное престолонаследие» следует поставить «на первом месте забот Монархической политики». Посредством династии монарх «становится как бы бессмертным, вечно живущим с нацией». Династи-

* Взгляды о вселенской власти своих монархов следует считать характерным для восточных народов. К примеру, в ведийских и буддийских текстах отражается та же идея вселенского господства царственного правительства, а также идея божественного происхождения царской власти и права жрецов (священников) легитимировать монарха в его статусе (см. [41, с. 9, 15]). Общее представление разных народов о вселенской власти своих государей свидетельствует в пользу мнения Н.И. Черняева о том, что российское самодержавие не является исключительным, ни на что не похожим явлением, и оно не может не находиться в общем контексте с другими монархиями. Подобное представление также может свидетельствовать о духовной близости России и Востока, о чем говорили князь Э.Э. Ухтомский и С.Н. Сыромятников.

** Героя своей монографии В.А. Твардовская называет «апостолом абсолютизма» [29, с. 207, 210]. А Г.И. Мусихин даже использует понятие «самодержавный абсолютизм» [15, с. 166]. Другие исследователи, в частности такие разные, как эмигрант В.С. Кобылин и современный российский историк В.А. Гусев, указывают на ошибочность подобного подхода [11, с. 36; 6, с. 83].

*** Об этом же писал Л.А. Тихомиров, правда, замечая, что, хотя и произошло смешивание самодержавия с абсолютизмом, но полностью первый принцип исключен не был и Петр Великий при всем том оставался русским человеком, поскольку для него превыше всего было не «свое», а истина, как он ее искренне понимал [31, с. 263-272].

ческий принцип лучшим образом «обеспечивает постоянство и неизблемость власти», и его обязанность – «выражать дух истории» [31, с. 391]. Мысль Л.А. Тихомирова созвучна позиции выдающегося философа В.В. Розанова, который указывал, что монарх сосредотачивает в себе историю народа: «В том сиянии, которое окружает главу монарха и оберегает ее, мы сказали – лежит отложенный след всех незабытых и полузабытых фактов, из которых была сложена жизнь исторического народа...» [23, с. 64]. Очевидно, что достигнуть такого возможно лишь с помощью династического принципа.

Династический принцип в идеале нейтрализует такое явление, как борьба за власть, и связанные с этим негативные процессы (междоусобия, репрессии и т. п.). Как писал Л.А. Тихомиров, данный принцип «устраняет всякий элемент искания, желания или даже просто согласия на власть». Династичность «предрешает за сотни и даже тысячи лет вперед для личности, еще даже не родившейся, обязанность несения власти и соответственно с тем ее права на власть» [31, с. 394].

События 1905-1907 гг., приведшие к установлению новой формы государственного правления (дуалистической монархии), повлекли за собой значительные изменения в консервативно-монархическом дискурсе.

Список литературы

1. Аксаков И.С. Сочинения. М., 1887. Т. V.
2. Брутян А.Л. М.Н. Катков: социально-политические взгляды. М., 2001.
3. Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма. М., 2008.
4. Грингмут В.А. Собрание статей. М., 1908. Вып. I, II; 1910. Вып. III.
5. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика. М., 2000.
6. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.
7. Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М., 2006.
8. Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004.
9. Катков М.Н. Империя и крамола. М., 2007.
10. Кирьянов Ю.И. Русское собрание, 1900-1917. М., 2003.
11. Кобылин В.С. Анатомия измены: Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев: истоки антимонархического заговора. СПб., 2007.
12. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 2007.
13. Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907-1914. Пермь, 2001.
14. Мещерский В.П. За великую Россию. Против либерализма. М., 2010.
15. Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале: сравнительный анализ германского и российского консерватизма. СПб., 2002.
16. Пайтс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М., 2008.
17. Победоносцев К.П. Сочинения. М., 1996.
18. Попов Э.А. Разработка теоретической доктрины русского монархизма в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2000.

19. *Рабинович Е.М.Б.* Великое значение монарха: слово, произнесенное 11-го октября 1903 года в Полтавском Молитвенном Доме «Ашкеназы» Полтавским Духовным Раввином. Полтава, 1904.
20. *Репников А.В.* Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.
21. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
22. *Репников А.* Последний романтик славянофильства: Сергей Федорович Шарапов (1855-1911) // Воинство святого Георгия: жизнеописание русских монархистов начала XX века. СПб., 2006.
23. *Розанов В.В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.
24. *Сапожников А.А.* О царской власти с библейской точки зрения // Имперское возрождение. М., 2007.
25. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973.
26. *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007.
27. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
28. *Сыромятников С.Н. (Сигма).* Опыты Русской Мысли. СПб., 1901. Кн. 1.
29. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.
30. *Тимошина Е.В.* Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб., 2000.
31. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 2006.
32. *Успенский Б.А.* Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
33. *Ухтомский Э.Э., кн.* Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890-1891). Т. III, ч. 5: Наша Азия. СПб.; Лейпциг, 1897.
34. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. М., 2001.
35. *Франк В.* Из неизданной переписки императора Александра III с князем В.П. мецкерским // Современные записки. 1940. Вып. LXX.
36. *Хомяков Д.А.* Православие, Самодержавие, Народность. М., 1993.
37. *Чернавский М.Ю.* Консервативные идеи в воззрениях С.Н. сыромятникова // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. II.
38. *Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998.
39. *Черняев Н.И.* Необходимость самодержавия для России. Харьков, 1901.
40. *Шарапов С.* Опыт Русской политической программы. М., 1905.
41. *Шоахмадов С.Х.* Учение о царской власти: теории имперского правления в буддизме. СПб., 2007.
42. *Штиглиц А.* Исследование о началах: политического равновесия, легитимизма и национальности. Ч. II: Начало легитимизма. СПб., 1890.
43. *Byrnes R.F.* Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington; London, 1968. P. 311.
44. *Rae E.* Components of Pessimism in Russian Conservative Thought, 1881-1905: Dis. ... PhD. Norman, Oklahoma, 1991. P. 34.